

Г. И. Хромо в

История одной полемики

После Великой Октябрьской социалистической революции фольклористы получили возможность с новых позиций осмыслить народное творчество. В поисках новых путей исследования молодая советская наука о фольклоре уже в 20-е годы подошла к проблеме социологического осмысления фольклорного материала. Социологизм давал ученым возможность глубже понять мировоззрение народа, его чаяния и ожидания, ближе подойти к запросам времени. «Социологический анализ,— пишет профессор С. Машинский в статье «Классическое наследие и литературная наука»,— соответствует самой природе искусства. Вне научной социологии нет подлинного историзма»¹.

Но первые попытки социологического исследования натолкнулись на яростное сопротивление приверженцев старых фольклористических концепций. В данной статье мы рассматриваем один из эпизодов острой идейной полемики в 1927—1928 годах между советским фольклористом Юрием Соколовым и выдающимся чехословацким ученым Иржи Поливкой по вопросу, можно ли применять социологический метод при исследовании фольклора.

Ю. Соколов, известный в русской дореволюционной фольклористике как один из собирателей, комментаторов и издателей сборника «Сказок и песен Белозерского края» (1915), после Октября, подобно некоторым русским ученым, пережил глубокий внутренний кризис. Но к чести Ю. Соколова следует сказать, что он оказался одним из тех интеллигентов, которые раньше других сумели понять всю силу социального переворота и его исторический смысл. Он был именно таким специалистом-энтузиастом, каких В. И. Ленин рекомендовал большевикам Наркомпроса отыскивать и использовать в деле перестройки системы народного образования².

Сразу же после переезда Советского правительства из Петербурга в Москву в марте 1918 г. Ю. М. Соколов, не оставляя своей повседневной работы в библиотеке Исторического музея и учебных заведениях г. Москвы, по своей инициативе пришел в Наркомпрос и предложил «услуги в деле охраны и спасения книжных богатств»³, брошенных прежними владельцами.

На посту заместителя заведующего отделом научных библиотек

¹ «Правда», 15 мая 1967 г.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 103—104.

³ ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 289, л. 26.

Наркомпроса Юрий Матвеевич сыграл большую роль как в деле спасения библиотечных сокровищ, так и в налаживании библиотечной работы в стране.

В 1920 г. была создана Государственная Академия художественных наук в качестве центрального ученого органа Наркомпроса по вопросам искусства. Ю. Соколов, возглавив фольклорную подсекцию ГАХН и став фактическим руководителем советской фольклористической науки, уже в 20-е годы стремился выработать новые принципы в изучении фольклора. Ученый пришел к мысли, что советские фольклористы должны прежде всего отмежеваться от методологических установок буржуазно-дворянской науки о народном творчестве. Полное размежевание, как он думал, должно идти по линии социологизирования, по пути установления связи фольклорных произведений с классовой борьбой. Если фольклористы-славянофилы и фольклористы-народники не хотели замечать классового расслоения внутри фольклора, то советским ученым как раз и следует разглядеть в фольклорных произведениях отголоски творчества разных классов. Эту точку зрения профессор Ю. М. Соколов наиболее полно высказал в своей работе «Основные задачи изучения русского фольклора», которая была опубликована в качестве редакционной статьи в первом номере только что созданного журнала «Художественный фольклор»⁴.

Ю. Соколов, как редактор «Художественного фольклора», поставил перед советской фольклористикой проблему определения социальной, классовой среды, в которой бытовал фольклор. Причем социологический метод анализа текстов предложил распространить не только на былины, сказки и песни, но и на малые фольклорные формы. «Особенно интересно было бы с точки зрения социально-экономической,— писал он,— подвергнуть анализу пословицы, поговорки и загадки—эти, по обычному представлению, образцы «народной» мудрости. В них имеются наиболее яркие примеры определенно классовых и сословных суждений»⁵. Редактор журнала высказывал горячее желание увидеть в будущем «специальные работы», посвященные «социологическому распределению» фольклорного материала.

Строгое применение социологического метода, как думал тогда Ю. Соколов, разрешит вопрос о социальном составе тех слоев населения, которые создавали или для которых создавались фольклорные произведения. Он сетовал на то, что в Советском Союзе еще нет обобщающей работы, в которой были бы указаны социальные слои, создавшие и создающие те или другие виды фольклора.

Желая избегнуть в употреблявшихся до сих пор терминах «народная словесность» и «народная поэзия» социологической неясности (слово «народный», по мнению Ю. Соколова, лишено объективной классовой характеристики), он предложил ввести в русский научный обиход термин «фольклор», тем более, что это слово допускает и уточнение — художественный, религиозный, юридический и т. п.

О выходе в Советском Союзе специального фольклористического печатного органа заговорили за рубежом. Первым откликнулся известный знаток славянского фольклора профессор И. Поливка⁶. Чешский

⁴ См. Ю. М. Соколов. Основные задачи изучения русского фольклора, «Художественный фольклор», 1926, № 1, стр. 5—29.

⁵ Там же, стр. 12.

⁶ Профессор Иржи Поливка как ученый-фольклорист придерживался бенфеевской миграционной теории. В 1927 г. он информировал мировую фольклористическую науку о выходе в Советской России первого номера журнала «Художественный фольклор» двумя статьями-рецензиями. Одна была напечатана в Праге, в журнале «Slavia», а другая — в Берлине, в центральном европейском журнале по сравнительной фольклористике „Zeitschrift des Vereins für Volkskunde“.

ученый тепло приветствовал рождение нового журнала. Однако, отметив, что с выходом «Художественного фольклора» в русской фольклористике начнет заполняться тот пробел, который образовался после прекращения издания таких высоко ценимых в мировой фольклористической науке журналов, как «Живая старина» и «Этнографическое обозрение», он заявил, что новый журнал совершенно не похож на своих предшественников.

Не имея объективной информации и питаюсь теми слухами, которые распространяла о советской науке и Советской России буржуазная печать, Поливка пришел к мысли, что социологический метод, который пропагандирует в своей статье Ю. Соколов, насильно навязывается его коллегам.

Не принимая социологического метода как «поневоле тенденциозного», Поливка обвинил Ю. Соколова в том, что он, опираясь на идеи классовой борьбы, допускает «натяжки» в объяснении мотивов народной поэзии. Такие «натяжки», не вытекающие из самого материала, советский ученый якобы допустил еще в статье «Что поет и рассказывает деревня».

Ю. Соколов в своей статье «Что поет и рассказывает деревня», напечатанной в 1924 г. в первом номере журнала «Жизнь», между прочим, довольно много говорил о том, что в XIX в. собиратели избегали записывать бытовавшие в большом количестве устные народные рассказы о крепостном праве, о мужике и барине, о жизни дворовых в крепостной усадьбе. В доказательство того, что такие рассказы были, он приводил записанную им бытовую сказку «Сердитая барыня»⁷, представляющую яркую сатиру на бар, и сделал вывод, что популярность этой сказки в среде крепостных крестьян можно объяснить только с позиций социальной борьбы.

Вот с этим выводом и не согласился Поливка. Будучи убежденным сторонником миграционной теории, он придерживался той точки зрения, что фольклорные произведения «странствуют» от народа к народу вследствие стремлений народных масс к «интересным рассказам». Чтобы опровергнуть точку зрения советского ученого, он в своих вышеуказанных статьях-рецензиях утверждал, что сказка «Сердитая барыня» принадлежит к числу «бродячих» сюжетов, к тому же весьма популярных как раз в эпоху абсолютизма. Поэтому в произведениях, которые пользуются популярностью и в крестьянской массе, и в антагонистической ей среде аристократии, по его мнению, нельзя усматривать «социальной борьбы». «Юрий Соколов,— пишет Поливка,— приводит записанный им в Новгородской губернии вариант известного рассказа об обмене злой графини с доброй женой сапожника в качестве примера социально-политических стремлений в народе, упуская из виду, что этот рассказ был особенно излюблен как раз в эпоху расцвета абсолютизма в различных опереттах и т. д.»⁸.

Считая выводы советского ученого ошибочными и не задумываясь над причинами особой популярности рассказов о мужике и барыне в русском фольклоре, Поливка со всей категоричностью утверждал, что вообще очень рискованно выискивать в устном народном творчестве следы каких-либо воззрений, говорить о социально-бытовых основах того или иного произведения, так как может оказаться, что это произведение пользовалось большой популярностью в прямо противоположной классовой среде. Ни в коем случае нельзя приписывать какому-либо народу или его отдельным классам то, что является интер-

⁷ «Сказки и песни Белозерского края», М., 1915, № 45.

⁸ «Литература и марксизм», 1928, кн. 2, стр. 30.

национальным достоянием или плодом культурного заимствования от других народов или же пришло в фольклор из книжной литературы.

Ю. Соколов, отстаивая новый метод исследования, написал специальную статью «О социологическом изучении фольклора»⁹, в которой горячо и искренне отстаивал возможность и необходимость глубокой социально-исторической трактовки фольклорных произведений, критиковал миграционную школу, занятую лишь формальным прослеживанием путей миграции фольклорных сюжетов.

Советский ученый, ставший на путь овладения марксистско-ленинской методологией, назвал систему теоретических рассуждений Поливки «чрезвычайно характерной» для исследователей поэтического творчества не только Чехословакии, но и Германии и других стран, и высказал мысль, что, если бы на Западе «некоторые ученые» не создали себе из социологического метода «какое-то пугало», а поспокойнее и пообъективнее присмотрелись бы к самым простым научным истинам, то картина поэтического творчества в основных массах населения и для них получилась бы «более отчетливой и верной».

Советские фольклористы, по словам Ю. Соколова, «пресыщены сравнением ради сравнения или ради установления сходства и различия, исследованиями о странствовании того или другого сюжета. Им нужно осознать то, что является основой этих изменений и вариаций».

Ю. Соколов не отрицает теоретического и методологического значения проблемы заимствования. Но для советских фольклористов, говорит он, «голового факта заимствования из того или другого источника... еще слишком мало. Надо, с одной стороны, искать социальные причины заимствования, определить факторы, приведшие к тому, а не иному заимствованию, и, с другой стороны (и это самое главное), стремиться узнать во что (разрядка Ю. Соколова.— Г. Х.) превратилось на новой национальной классовой почве данное произведение, какие оно получило характерные особенности и в идеологии, и в образе, и в стиле, и в языке и т. д. С этого и начинается собственно литературный анализ... Там, где фольклорист, автор традиционных работ по изучению миграции сюжетов, готов поставить точку, там социолог-фольклорист лишь начинает основную работу»¹⁰.

По убеждению Ю. Соколова, рассматривать, как изменяются произведения искусства, переходя из одной классовой среды в другую, значительно интереснее, чем устанавливать пути его миграции от народа к народу, от класса к классу. «Факт бытования,— писал он,— одного и того же поэтического сюжета в двух, даже противоположных друг другу социальных классах, ничего не может говорить против правомочности социологической интерпретации. Что из того, что сюжет сказки о сердитой барыне, записанный нами в 1908 г. от 70-летнего крестьянина Белозерского уезда Г. Е. Медведева, тот же самый, как и во французской оперетте XVIII в.? Дело ведь не в самом сюжете, а в психологии его восприятия той или другой средою и в творческой, его переработке. Допустим даже, что русская сказка непосредственно восходит к французской пьесе: в каком-нибудь барском усадебном театре дворянка могла видеть представление переводной оперетты и, рассказывая в дальнейшем ее содержание, превратить ее в сказку»¹¹.

Не входя в дискуссию с И. Поливкой по вопросу первоисточника этой сказки и допуская даже возможность заимствования и культурного воздействия одного класса на другой, даже враждебный класс, советский ученый обращает внимание своего идейного противника на особен-

⁹ «Литература и марксизм», 1928, кн. 2, стр. 24—50.

¹⁰ Там же, стр. 45.

¹¹ Там же, стр. 40.

ности восприятия и на характер творческой переработки. Он пишет: «Стоит лишь взглядеться в текст записанной нами белозерской сказки, как сама собой со всей необходимостью вытекает социологическая интерпретация. С несомненностью можно утверждать, что в восприятии белозерских рассказчика и слушателей рассказ ассоциировался с реально-бытовыми явлениями социальной жизни». Далее Ю. Соколов сообщает, что подобные сказки на севере России называются «быличками», так как в них народ вкладывает смысл реально-бытового происшествия.

Прочитав записанный в Белозерском крае вариант сказки «Сердитая барыня», зарубежный фольклорист, по мнению советского ученого, должен был прийти к выводу, что известный ему фольклорный сюжет на русской почве «не только национализирован, но и социологизирован до самых оснований. Рисуеться картина русской крепостной усадьбы: сердитая барыня, дравшая крестьян, как собак, трусящий перед ней староста, хитроумный солдат, обрисованный в соответствии с образом, установленным в сказочной традиции русской деревни; мужицко-русское представление о барском комфорте: на первом месте самовар и чаепитие, чисто русский мужицкий обмен крепкими репликами между сапожником и попавшей в его дом барыней, принимаемой за жену, наконец... резюме сказки: «с тех пор барыня мягкая-размягкая сделалась», т. е. мягкая по отношению к слугам. Дело не в исправлении характера капризной дамы, а в исправлении социального поведения барыни»¹².

Поливка, как известно, до конца жизни оставался верным теории заимствования. В течение долгих лет своей научной деятельности он составил картотеку «странствующих сюжетов», широко известную в мировой фольклористике. Ю. Соколов, высоко ценя его работу, в своей полемической статье «О социологическом изучении фольклора» уважительно и последовательно убеждал выдающегося зарубежного фольклориста, чтобы он в своих исследованиях обращал внимание на «художественную интерпретацию сказочного сюжета той или другой социальной средою»¹³.

К русскому варианту сказки «Сердитая барыня» Соколов снова обратился в 1931 г. (статья «Народная поэзия на новом этапе»). Считаясь с точкой зрения Поливки как одного из самых лучших знатоков славянского сказочного фольклора, он преподносит ее читателю как «международную, но русифицированную и окрестьяненную», в которой передана «затаенная мечта крестьян и дворовых об изменении социальных отношений, о том, чтобы барыня-помещица на собственном опыте познала, что значит трудовая жизнь»¹⁴.

Но вернемся снова к полемике 1927—1928 годов. Ю. Соколов пишет дальше, что его «удивляют» аргументы И. Поливки, приводимые им против социологизации фольклора. Нельзя считать новый метод неожиданным. Ведь постановка социологических вопросов в фольклористике подготавливалась уже несколько десятилетий. «Три главы из исторической поэтики» (1899) А. Н. Веселовского были тесно связаны с историко-социальными проблемами. Так называемая «историческая школа», возглавляемая В. Ф. Миллером, поставившая себе задачу изучения исторических основ фольклора, то и дело должна была выдвигать вопросы о социальной среде, о социальных группах, создавших и перерабатывавших произведения устной поэзии. Наконец, история литературы может указать много случаев, когда произведение, созданное

¹² «Литература и марксизм», 1928, кн. 2, стр. 41.

¹³ Там же, стр. 42.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 314, л. 4.

в одной социальной среде, получает распространение в другой социальной среде. Но из этого нельзя делать вывод, что это поэтическое произведение является социально нейтральным. Если в другой социальной среде текст произведения остается как будто неизменным, то изменяются причины читательского спроса на него, не одинакова читательская интерпретация, психология восприятия и др. Едва ли, например, предполагал А. С. Пушкин, что страшная баллада «Утопленник» превратится в плясовую песню. Не думал и И. С. Никитин о неожиданной судьбе своего обличительного стихотворения «Ехал раз с ярмарки ухарь-купец», превратившегося в мещанской среде в разгульную плясовую песню. Если литературное произведение живет, меняясь в субъективных индивидуальных и классовых восприятиях, то фольклорное произведение допускает еще более решительное изменение текста.

Весь ход фольклористической науки, убеждал Ю. Соколов чешского ученого, свидетельствует, что если фольклорист работает по сравнительному изучению сюжетов, то он так или иначе подойдет к «проблеме социологического изучения»¹⁵. «Если быть научно последовательным, волей-неволей приходится (так диктует сам материал) вплотную подходить к столь пугающей (И. Поливку.— Г. Х.) социально-экономической проблеме»¹⁶.

Советская фольклористика, по твердому убеждению Ю. Соколова, должна строиться на социологической базе. Хотя советские исследователи еще не выработали «окончательного метода» по уточнению классовой принадлежности того или иного сюжета, но они «единым строем» борются с остатками былого народничества славянофильского и западнического толков, поклонявшегося «единому народу» и не желавшего в нем видеть разнообразных, даже враждующих друг с другом социально-экономических групп». Далее Ю. М. Соколов говорил о том, как настойчиво в Советском Союзе изучают каждый вариант песни и сказки, социально-бытовую и индивидуально-семейную обстановку каждого сказочника и певца, и доказывал, что социологический метод исследования разрушает закостенелые, научной традицией установленные догматы о «народной душе», о «безличном» или «безыскусственном» народном творчестве и о «творчестве ради творчества».

«Весь ход нашей науки,— говорил в заключение Ю. Соколов,— является залогом предстоящего расцвета социологического направления в фольклористике»¹⁷.

Полемика Ю. Соколова с И. Поливкой по вопросу возможности социологического изучения фольклора была освещена П. Н. Поповым в статье «Выдающийся советский фольклорист Ю. М. Соколов»¹⁸.

У автора нашлось много добрых слов для характеристики и оценки общей деятельности Ю. М. Соколова, но, когда он бегло коснулся затронутого в нашей статье вопроса, то обвинил Юрия Матвеевича в том, что тот якобы эту острую и принципиальную дискуссию провел «не с позиций марксистско-ленинской методологии, а с позиций буржуазной «исторической школы» своего бывшего учителя Всеволода Миллера». Несколько ниже автор утверждает, что «Ю. М. Соколов, как и его брат Б. М. Соколов и др. выходцы из буржуазно-социологической «исторической школы» В. Ф. Миллера, раньше отстаивали... теорию о том, что русские былины якобы были впервые созданы представителями не народных масс, а аристократической верхушкой. Это ошибочное утверж-

¹⁵ «Литература и марксизм», 1928, кн. 2, стр. 36.

¹⁶ Там же, стр. 49.

¹⁷ Там же, стр. 50.

¹⁸ «Народна творчість та етнографія», 1958, № 3, стр. 23—33.

дение выплывало из неверия представителей «исторической школы» в творческие способности широких трудовых масс»¹⁹.

Хотя Ю. Соколов как научный работник действительно сформировался в дореволюционное время и вырос в атмосфере глубочайшего уважения к работам академика В. Ф. Миллера, из этого не следует, что он безоговорочно разделял все его гипотезы. Уже в своих исследованиях и обобщениях фольклорных материалов, собранных совместно с братом Б. М. Соколовым в Белозерском крае, он в значительной мере разошелся со своим учителем. Можно сказать, что уже в 1915 г. он не разделял теории аристократического происхождения эпоса. Проведенный нами разбор программной работы Ю. Соколова «О социологическом изучении фольклора» подтверждает этот вывод. Признавая переходы произведений творчества из одного социального строя в другой, Юрий Матвеевич нигде не говорит о неспособности к поэтическому творчеству низших слоев трудового народа.

Советская фольклористика за 50 лет своего развития прошла сложный путь. От мифологических туманностей, от бесплодной погони за странствующими сюжетами, от исследований историко-сравнительного характера в плане миллеровской «исторической школы», она уже в 20-е годы через историко-социологические построения стремилась перейти на твердую почву исторических событий и фактов и овладеть марксистским методом изучения природы фольклора.

Если Ю. Соколову еще не удалось во всей полноте постигнуть марксистско-ленинскую методологию, то своей пропагандой социологического осмысления фольклорного материала он вносил большой вклад в науку о фольклоре и выводил советскую фольклористику на международную научную арену.

¹⁹ «Народна творчість та етнографія», 1958, № 3, стр. 28.